

Закат окрасил цепь зелёных гор в тёплый оранжево-красный цвет, а сумерки, словно мягкая вуаль, медленно накрыли маленький каменный двор на полпути к вершине.

Ограда из заострённых брёвен стояла ровными рядами, отсекала вечерний ветер из леса и создавала небольшой спокойный мирок. Мул у забора тихо жевал сухую траву, изредка махая хвостом. Вокруг оставался лишь лёгкий шелест листьев на ветру — такая тишина сама по себе успокаивала.

Сюй Чжоушань снял с мула упряжь и надёжно остановил телегу у ворот. Обернувшись, он увидел Бай Вэньюя посреди двора. Тот беспомощно теребил подол одежды и робко осматривался покрасневшими глазами. Не смел ни к чему прикоснуться, не решался даже просто сесть. Хотя уже пришёл с ним домой, всё равно выглядел чужаком, которому некуда идти, и весь был напряжён.

— Не стой столбом, — Сюй Чжоушань качнул подбородком в его сторону. Голос был низким и ровным, без особых эмоций, но и без капли грубости. — На телеге всё твоё. Иди, помоги. Будем переносить не спеша, торопиться некуда.

Бай Вэньюй тут же пришёл в себя и поспешно кивнул. Маленькими быстрыми шагами подошёл ближе, мягко и немного скованно проговорив:

— Хорошо, я помогу. Я могу нести.

Но когда он действительно подошёл к телеге и увидел груды багажа, сам на мгновение застыл, а щёки слегка покраснели.

Он и не ожидал, что соберёт так много вещей.

Три огромных свёртка толстых, мягких ватных одеял, аккуратно перевязанных. Все — в его любимых чехлах из узорчатой парчи, гладких и тёплых на ощупь.

Три больших сундука одежды, аккуратно уложенной для всех четырёх сезонов. Всё по размеру, из хороших тканей, сложено ровными прямоугольниками, без единой складки.

Кроме того, было несколько небольших тканевых мешочков с изящной вышивкой. Внутри лежали его привычные серебряные украшения, всевозможные браслеты и нити из бусин, бархатные цветы, плетёные шнуры, цветочные шпильки, подвески для вееров, ароматические мешочки и прочие безделушки, которые он делал в свободное время. Ничего не потерялось — всё было бережно собрано.

Сюй Чжоушань проследил за его взглядом и при первом же взгляде замолчал.

Он прожил две жизни, бывал на войне, жил один в глубоких горах и всегда предпочитал, чтобы

вещей было как можно меньше и они были легче. Одна одежда могла служить ему круглый год, одного комплекта постели хватало на зиму. Он никогда не видел, чтобы при переезде тащили с собой столько «изнеженных штучек».

Он первым поднял крайний свёрток с одеялом. Тот оказался мягким и тяжёлым, гладкая парча скользнула по ладони. Брови Сюй Чжоушаня почти незаметно нахмурились. Внешне он никак не отреагировал, зато про себя уже начал яростно ворчать.

□Такая мягкая парча в горах зацепится за ветку или камень — и за один день полезут нити и дыры. В столице округа под ней спать красиво и солидно, а в глубине гор, кроме приятного прикосновения, никакой пользы: одна красота, а толку ноль.□

□И сразу три свёртка. У меня тут одна кровать, с таким количеством одеял скоро и встать будет некуда. Вот уж избалованный молодой господин: куда ни поедет, о комфорте не забывает.□

На лице это никак не отразилось. Он легко закинул свёрток на плечо и уверенно понёс. Обернувшись, увидел, как Бай Вэньюй встаёт на цыпочки и осторожно пытается поднять небольшой сундук с одеждой. Лицо уже покраснело от усилия, но просить помощи тот упорно не хотел. Сюй Чжоушань поспешно протянул руку и надёжно поддержал сундук снизу.

— Оставь, я сам. Сундук тяжёлый, ещё кисть потянешь.

— Н-не тяжёлый, я могу... — тихо возразил Бай Вэньюй, хотя пальцы уже побелели от напряжения. Сундук и правда оказался тяжелее, чем он ожидал. Пришлось послушно ослабить хватку и позволить Сюй Чжоушаню забрать его. Щёки покраснели ещё сильнее. — ...Прости за хлопоты, Сюй Чжоушань.

— Какие ещё хлопоты, — Сюй Чжоушань одной рукой поднял сундук с одеждой. Вес был немаленький, внутри — сплошной шёлк и парча. Он прикинул тяжесть, и внутреннее ворчание снова полезло наружу.

□Три больших сундука одежды. Даже если каждый день надевать новое, целый месяц повторяться не придётся. В горах ветер и пыль, на охоту каждый день ходишь — даже грубая короткая одежда цепляется за всё подряд. А его шёлк и парча: наденешь раз — стирать, постираешь несколько раз — блеска уже не будет. Сам себе работу привёз.□

□И правда с детства рос на руках. Совершенно не знает, как трудно жить в горах. Столько одежды привёз — лучше бы взял два комплекта прочной грубой ткани, пользы было бы больше.□

Они ходили туда-сюда, перенося вещи в дом. Бай Вэньюй шёл следом за Сюй Чжоушанем, прижимая к груди свои маленькие мешочки и осторожно оберегая лежащие внутри бусины и серебряные украшения. В мягком взгляде читалась нежная привязанность.

Он делал всё это понемногу, своими руками. Денег вещи почти не стоили, но были одними из немногих памятных вещей, оставшихся у него. Сяолу не забыл ни одной — собрал всё.

Сюй Чжоушань заметил, как тот прижимает мешочек, будто великое сокровище, и даже ступает тише. В голове тут же снова прозвучало ворчание.

□Эти бусы и цепочки выглядят красиво, но в горах их ни съесть, ни использовать. Во время работы ещё и зацепятся за что-нибудь; разобьются — он потом полдня будет жалеть. Только он и способен считать такое сокровищем. Я бы даже не посмотрел.□

Ворчал Сюй Чжоушань лишь мысленно. Двигался он очень осторожно и каждый раз ставил вещи в ровный чистый угол, боясь повредить эти драгоценные безделушки Бай Вэньюя.

Когда одеяла и сундуки с одеждой полностью перенесли, стол и угол кровати оказались заставлены. Маленький дом сразу наполнился вещами, стал более жилым и тёплым.

Бай Вэньюй стоял посреди комнаты, смотрел на собственные вещи, и глаза слегка защипало. На душе было и тепло, и горько.

И тут Сюй Чжоушань наклонился и заглянул под телегу. В щели в углу застрял небольшой старый ларец из красного сандала, изящной работы, с целой застёжкой. Он был спрятан так хорошо, что человек с менее острым зрением вообще бы его не заметил.

— Тут ещё один ящик. Твой? — Сюй Чжоушань вытащил ларец. Тот был невелик, но весил прилично и сразу ощущался как вещь недешёвая.

Бай Вэньюй замер, поспешно подошёл и растерянно ответил:

— Я-я не знаю... Не помню такого ящика.

Он принял ларец, осторожно поставил на стол, взял тонкую шпильку и поддел защёлку, которая оказалась не заперта до конца. Крышка открылась — и оба одновременно застыли.

Внутри аккуратными рядами лежали дорогие вещи. Шпильки из белого нефрита, нефритовые украшения для волос, браслеты из чистого золота, серебряные браслеты с жемчугом, несколько слитков мелкого серебра, два тяжёлых стандартных серебряных слитка. В углу лежала гладкая нефритовая подвеска и несколько аккуратно сложенных серебряных билетов.

Бай Вэньюй смотрел на целый ящик золота, серебра и нефрита и словно окаменел. Глаза мгновенно покраснели. Пальцы легко коснулись нефритовой шпильки, а голос задрожал:

— Это Сяолу... Это Сяолу мне положил...

Только Сяолу знал, где хранятся все его украшения, где спрятаны личные деньги. И только Сяолу мог в хаосе дома Бай, когда самому грозила опасность, рискнуть быть обнаруженным родственниками и забитым до смерти, лишь бы тайком спрятать этот ларец с ценностями в щели телеги и оставить господину путь к спасению.

Он грубо подсчитал: нефрит, золото, серебро и серебряные билеты в этом ящике тянули на две-три сотни лянов. В таком отдалённом городке обычному человеку хватило бы на спокойную жизнь до старости.

Сяолу отдал ему все оставшиеся ценности главного дома Бай, какие только можно было унести, и не оставил себе ничего.

Сюй Чжоушань стоял рядом и опустил взгляд на содержимое. Бесконечное внутреннее ворчание в этот момент вдруг исчезло, уступив место трудноописуемому чувству.

Он слишком часто видел, как после падения хозяина все разбегаются, а рухнувшую стену начинают толкать со всех сторон. Дом Бай пал, родители умерли, родственники отвернулись, слуги разбежались. Все пытались урвать семейное имущество и строили козни против Бай Вэньюя. И только слуга по имени Сяолу, сам не зная, доживёт ли до завтра, полностью подготовил господину путь для отступления и оставил ему всё, что сумел сохранить.

□Этот гэ'эр выглядит избалованным и бесполезным, зато рядом с ним оказался по-настоящему преданный слуга.□

□Другой давно схватил бы серебро и сбежал. Только у Сяолу в голове один его господин, о себе он вообще не подумал.□

□Неудивительно, что этот молодой господин всю дорогу тревожится, но всё ещё сохраняет хоть какое-то достоинство. Этот слуга тайком оставил ему последнюю опору.□

Бай Вэньюй прижимал к себе ларец, плечи слегка дрожали. Слёзы кружились в глазах, но он изо всех сил не позволял им упасть и тихо пробормотал:

— Сяолу такой хороший... Интересно, как он сейчас? Не издеваются ли над ним те люди...

<http://bllate.org/book/25974/3148939>